

Новикова О.Н.¹

Радикализация мусульманского сообщества в Великобритании в контексте обострения палестино-израильского конфликта

Аннотация. В статье рассматривается влияние эскалации палестино-израильского конфликта на британский социум, проявившееся в обострении «мусульманского вопроса» в Соединенном Королевстве. Даны общая характеристика протестных выступлений в Великобритании после 7 октября 2023 г., отображены и проанализированы лозунги митингующих. Анализируется феномен поведенческой радикализации мусульманской диаспоры, связанный с ее убеждением в чрезмерном применении силы государством Израиль в отношении мусульман. Показывается, что британская антитеррористическая стратегия CONTEST – и особенно ее часть, программа «Prevent» («Предотвращение»), направленная на противодействие экстремизму, – постепенно эволюционируют в сторону ужесточения. Анализируется новое определение экстремизма, введенное в 2024 г. и в числе прочего свидетельствующее о том, что в связи с радикализацией определенной части британской мусульманской диаспоры власти Соединенного Королевства рассматривают ее как актуальный источник опасности. Более того, в соответствии с принятыми официальными документами, практически все мусульманское сообщество в Великобритании теперь может считаться экстремистским. В основу контртеррористической

¹ Новикова Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, зав. Отделом Европы и Америки, ИНИОН РАН (inionnovikova@gmail.com). ORCID: 0000-0001-8612-5012.

стратегии Соединенного Королевства заложен идеологический аспект: британские ценности являются критерием принадлежности к местному сообществу. Их неприятие ведет к радикализации, при этом происходит секьюритизация тех, кто эти ценности не разделяет. Ценности и культура «других» компрометируются; в этом проявляется исторический и поныне действующий колониальный подход британских властей. Сегодняшняя политика Лондона в отношении мусульманской diáspоры является продолжением идей и практик, которые когда-то использовались в колониях страны при осуществлении социального контроля со стороны метрополии. В статье ставится вопрос о возможности перехода от антиизраильских демонстраций к террористическим актам. Приводится нестандартное мнение, что участие в ненасильственном экстремистском активизме может быть антидотом от участия террористической деятельности.

Ключевые слова: Великобритания, мусульманская diáspора, радикализация, экстремизм, программа «Prevent» («Предотвращение»), палестино-израильский конфликт.

Возобновление (с 7 октября 2023 г.) и развитие палестино-израильского конфликта, а также последовавшие за этим масштабные протесты привели к усилению уже существующего в европейском социуме напряжения, связанного с «мусульманским вопросом». С 7 октября и до конца 2023 г. благотворительная организация «Community Security Trust»¹ зарегистрировала в Великобритании 4103 инцидента на почве антисемитизма, что на 147% больше, чем в 2022 г., а «Tell MAMA»² зафиксировала 335%-ный рост преступлений на почве ненависти к мусульманам с ноября 2023 по март 2024 г. [Government strengthens ... , 2024]. Газета «Jerusalem Post» сообщала о появлении в еврейских кварталах Манчестера и Лондона антисемитских граффити; также фиксировались акты вандализма [Heller, 2025]. По сообщению «Community Security Trust», в первой половине 2024 г. в Великобритании произошло около 2 тыс. инцидентов на почве антисемитизма, что превышает показатели шести месяцев любого года. Более половины

¹ Community Security Trust (CST) – благотворительная организация в Великобритании, которая занимается обеспечением безопасности еврейской общины, предоставляя услуги охраны и консультации.

² Tell MAMA (Measuring Anti-Muslim Attacks) – британская организация, которая фиксирует случаи нападений на мусульман.

инцидентов были связаны с текущим конфликтом в ближневосточном регионе [Holden, 2024].

В Великобритании имели место как произраильские, так и пропалестинские демонстрации. Участники первых манифестаций гневно осуждали нападение ХАМАС, а участники вторых поддерживали палестинцев – гражданских жертв жестоких ответных действий израильских властей, – утверждая, что в Газе совершается «геноцид». Одновременно участились демонстрации, участники которых обвиняли сторонников палестинцев в антисемитизме, трактуя их лозунг «от реки до моря Палестина будет свободна» (англ. «from the river to the sea, Palestine will be free»)¹ как антисемитский. Некоторые исследователи писали, что «те, кто поддерживают палестинское государство “от реки до моря”, разжигают антисемитизм, поскольку подобное государство означает конец Израиля» [Ritzmann, 2025, р. 29]. Американская еврейская правозащитная организация «Anti-Defamation League» (ADL) заявила, что логунг «От реки до моря» исполнен ненависти и отрицает право Израиля на существование. «В восприятии враждующих сторон, которыми выступают Израиль и ХАМАС, фраза “От реки до моря Палестина будет свободной” сильно радикализируется: для ХАМАС – “свобода” понимается как избавление от Израиля, т.е. его полное уничтожение; в израильском дискурсе такая трактовка “свободы” понимается как уничтожение евреев» [Янченко, 2024, с. 160–161]. В то же время существует и другая трактовка данного лозунга, содержащаяся в тексте Иерусалимской декларации об антисемитизме (2021), в которой указано, что «нет ничего антисемитского в том, чтобы поддерживать соглашения, которые предоставляют полное равенство всем жителям “между рекой и морем”, будь то в двух государствах, двунациональном государстве, унитарном демократическом государстве, федеративном государстве или в любой другой форме» [ibid., с. 158].

В целом нужно признать, что бурная реакция на обострение палестино-израильского конфликта является отражением радикализации отдельных групп населения в Европе и, в частности, в Великобритании.

¹ «От реки до моря» (англ. «from the river to the sea») – имеется в виду пространство между рекой Иордан и Средиземным морем, включающее Израиль и палестинские территории – Западный берег реки Иордан и сектор Газа.

В XXI в. концепция «радикализации» оказалась в центре внимания многих исследователей, изучавших причины и следствия восприятия идей о необходимости кардинальных социально-политических изменений. А.П. Шмид, признанный эксперт в области изучения социальных конфликтов и политического насилия, выявляя различие между радикально и экстремистски настроенными людьми, отмечает, что первые, в отличие от вторых, способны пойти на компромисс с властью. Программы экстремистов вступают в противоречие с основными западными (либеральными) ценностями: демократией, правлением большинства с гарантиями для меньшинств, верховенством закона, плюрализмом, отделением религии от государства, равенством перед законом, гендерным равенством, свободой мысли и слова. А.П. Шмид полагает, что главная опасность – экстремизм, а не радикализм. «Радикализация в форме социальной мобилизации и коллективных действий – вполне нормальное явление, когда политическая система оказывается не в состоянии решить какой-либо животрепещущий общественный вопрос. В хорошо функционирующих демократиях это обычно происходит без серьезной эскалации насилия» [Schmid, 2013, р. 60]. Что же касается экстремизма, то сам термин уже имеет негативную коннотацию, в то время как умеренность и срединный путь почитаются как добродетель. Тем не менее необходимо отметить, что экстремистская деятельность тоже может приводить к положительным результатам в тех случаях, когда она способствует прогрессивным изменениям в обществе: борьба против расовой дискриминации, за защиту окружающей среды и пр.

И поведенческая радикализация, и экстремизм нередко связаны с чрезмерным применением силы со стороны государства по отношению к определенной группе, этнически или идеологически близкой протестующим, с которой они себя идентифицируют. В этом случае появляется нарратив об отсутствии у государства легитимности на применение такого рода насилия. Определенная часть мусульманского населения Великобритании готова оказывать бескорыстную помощь членам своей уммы. Так было, когда британские мусульмане оказывали гуманитарную помощь мирным жителям на территории, контролируемой ИГИЛ*. Это можно назвать «помощью в экстремальных ситуациях» (англ. aid-in-extremis). К.П. Рейди из Немецкого института исследований радикализации и дерадикализации называет такую категорию людей «благожелательно радикализированными», а тех британских

мусульман, которые были готовы рисковать своей жизнью, выбрали насилистенные меры поддержки уммы и в свое время присоединились к ИГИЛ*, – «злонамеренно радикализованными» [Reidy, 2019].

И тут возникает интересный вопрос: как называть граждан Великобритании, которые одобряют саму идею создания исламского халифата, но не прибегают к насилистенным методам для ее осуществления? Должны ли убеждения этих людей рассматриваться как часть террористической проблемы? В последних редакциях британской антитеррористической стратегии CONTEST от 2018 г. и 2023 г. нет четкого определения понятий «экстремизм мысли» и «экстремизм метода». В версии 2023 г. упоминается террористическая идеология, но точного определения тоже нет. Зато в Глоссарии к «Пересмотренному руководству по применению стратегии “Prevent” (“Предотвращение”) для Англии и Уэльса» (2011), выпущенном британским МВД, дано определение радикализации: процесс, в результате которого человек приходит «к поддержке терроризма и экстремистских идеологий, связанных с террористическими группами» [Prevent ... , 2011, р. 107]. В соответствии с этим определением радикализованными считаются лица, которые разделяют идеологию террористических групп, но сами в таких группах не состоят, не совершают актов насилия и могут даже выступать против применения насилия. С 2011 г. задачи программ «Prevent» и «Channel»¹ были изменены. Ранее эти программы предназначались для борьбы исключительно с насилистенным экстремизмом. Сейчас они направлены на то, чтобы противостоять не только насилистенному, но и ненасилистенному экстремизму, который, согласно современной трактовке, представляет угрозу для британских ценностей, либеральной демократии и толерантности [Исламские радикальные ... , 2023, с. 233]. В частности, в рамках этих программ работникам бюджетной сферы в области образования и здравоохранения вменялось в обязанность докладывать о гражданах, от которых может исходить угроза британским ценностям [ibid., с. 233–234].

Поведенческая радикализация британской мусульманской диаспоры на современном этапе обусловлена ее убеждением в чрезмерном применении силы государством Израиль в отношении

¹ Программа «Channel» была создана для выявления лиц, которые в перспективе могут подвергнуться радикализации, – заключенных, граждан, имеющих судимость, и других, находящихся в зоне риска.

мусульман. Предохранителем, защищающим общество от возможного насилия во время протестных акций, могла бы стать мощная политическая партия, выражающая взгляды протестующих, но действующая в рамках существующей общественно-политической системы.

Есть ли угроза перерастания антиизраильских демонстраций в террористические акты? Сотрудники Института безопасности и международных отношений Лейденского университета в Нидерландах Б. Шуурман и С. Карти, проанализировав имеющиеся данные в референтных группах, выбранных из числа радикализированных лиц в Северной Америке и Европе и активно действовавших в период с 1980 по 2020 г., пришли к парадоксальному выводу: участие в деятельности экстремистской группировки соотносится с *неучастием* в террористических актах [Shuurman, Carthy, 2023]. Этот вывод расходится с общепринятым мнением, согласно которому участие в экстремистской деятельности делает людей более склонными к терроризму. Б. Шуурман и С. Карти справедливо отмечают, что многие экстремистские сообщества избегают применять террористическую тактику, опасаясь репрессий со стороны государства. Кроме того, исследователи утверждают, что в современных условиях к крайним формам насилия прибегают главным образом отдельные лица, не связанные с экстремистскими организациями. Известно, например, что джихадистские группировки призывают своих сторонников совершать нападения самостоятельно в соответствии с концепцией безлидерского сопротивления, поскольку спецслужбам проще отслеживать деятельность подпольных ячеек, чем преступные намерения одиночек. Членство в экстремистском сообществе может привести к террористической деятельности только тогда, когда насилие рассматривается как единственное средство, позволяющее добиться требуемых перемен. Многие члены мусульманской диаспоры в Великобритании, – по крайней мере, частично, – интегрированы в социум. Они имеют обязательства по работе, образованию или воспитанию детей, и это снижает вероятность участия данных лиц в преступной деятельности. Поведенческую радикализацию мусульманской диаспоры в Великобритании не следует приравнивать к участию в террористических атаках. Ненасильственный экстремизм мусульманской диаспоры можно использовать в качестве «громоотвода» для отвлечения экстремистов от реализации своих целей при помощи террористических нападений [ibid.].

Тем не менее британские власти отмечают такую возможность. Массовые протесты, проходившие в Великобритании в рамках выражения солидарности с Палестиной, вызвали совершенно однозначную реакцию британского истеблишмента. 1 марта 2024 г. тогдашний премьер-министр Р. Сунак выступил с заявлением об экстремизме. Он обвинил протестующих в «спланированных актах насилия», упомянул об угрозе демократии, потребовал от университетов прекратить экстремистскую деятельность [PM address ..., 2024]. Демонизируя местную мусульманскую диаспору, обвиняя ее в антисемитизме и «небританскости», Р. Сунак ничего не сказал о протестных выступлениях правых экстремистов. В дальнейшем, несмотря на то, что правые экстремисты спровоцировали беспорядки в Великобритании в августе 2024 г. [Sinmaz, 2024], репортеры британских СМИ, подстраиваясь под основную линию правительства, нередко публиковали статьи, направленные на искажение, демонизацию и дискредитацию ислама и мусульман, пестуя глубоко укоренившуюся исламофобию и поддерживая нарративы, приводящие к нападениям на мечети [Raja, 2024].

Предполагаемые репрессии со стороны государства могут оказать мобилизующее воздействие на протестующих и стать причиной появления насильтственного экстремизма и даже терроризма. Здесь следует разъяснить, что терроризм и экстремизм существенно отличаются друг от друга. Во-первых, терроризм негативен по своей сути, а экстремизм может иметь, как мы говорили выше, и положительную коннотацию. Во-вторых, «терроризм направлен на достижение политических целей, в то время как экстремизм может использоваться для достижения как политических, так и неполитических целей» [What is extremism ..., 2023, p. 579], – примером последнего служит, в частности, экологический экстремизм. Сложности начинаются, когда приходится разграничивать терроризм и насильтственный экстремизм. Часто эти два понятия употребляются как синонимы, особенно американскими исследователями. Однако представляется, что насильтственный экстремизм, в отличие от терроризма, может и не иметь политических целей, но не может иметь положительную коннотацию. Еще одно важное отличие заключается в том, что террористы пытаются влиять на политику, используя насильтственные средства против непричастных лиц, применяя так называемое неизбирательное насилие. Подход, зафиксированный в документах ООН, сводится к тому, что насильтственный экстремизм создает «питательную среду» для

терроризма. Однако четкого определения насильтственного экстремизма в документах ООН нет. ООН видит свою цель в недопущении перерастания насильтственного экстремизма в терроризм [План действий ... , 2015, с. 1], однако общепринятое определение терроризма тоже отсутствует. В то же время понятно, что термин «насильтственный экстремизм» охватывает более широкую категорию действий, чем «терроризм». В целом же дефиниции экстремизма и насильтственного экстремизма разнятся в зависимости от страны.

Еще в 2011 г. правительство Великобритании скорректировало определение экстремизма, расширив это понятие. Согласно данному определению, экстремизм – это «противодействие на словах или путем активных действий фундаментальным британским ценностям, включая демократию, верховенство закона, свободу личности, взаимное уважение и терпимость к различным религиям и убеждениям». В определение экстремизма также были включены призывы к смерти британских военнослужащих, «как внутри страны, так и за рубежом» [Tackling extremism ... , 2013, р. 1].

После нападения ХАМАС на Израиль в 2023 г. официальный Лондон еще более ужесточил подход к борьбе с экстремизмом. Новое определение экстремизма было сформулировано в специальном руководстве правительства Великобритании в 2024 г. [New definition ... , 2024]. В этом документе перечислены формы поведения, которые можно отнести к экстремистским действиям, и отображен дополнительный контекст для понимания данного определения и связанных с ним форм поведения. Новое определение заменяет ранее опубликованные определения экстремизма, сожжавшиеся в программе «Prevent» (2011) и в Стратегии противодействия экстремизму (2015), и звучит следующим образом: «экстремизм – это пропаганда или продвижение идеологии, основанной на насилии, ненависти или нетерпимости, которая направлена на: 1) отрицание или уничтожение основных прав и свобод других людей; или 2) на подрыв, отмену или смену системы либеральной парламентской демократии Великобритании и демократических прав; или 3) на намеренное создание благоприятных условий для достижения другими людьми результатов, указанных в пунктах (1) или (2)» [ibid.].

Важно, что в документе приводится дополнительный контекст, который расценивается как важная часть определения: в частности, к экстремистам причисляются люди, ведущие «пропаганду того, что парламентская демократия в Великобритании, британ-

ские демократические ценности и права несовместимы с их идеологией [курсив мой. – О. Н.]. Таким образом, согласно новому определению, экстремистами считаются все, кто не согласен с расширенной трактовкой толерантности в отношении однополых браков, трансгендерного перехода, прав ЛГБТ-сообщества, т.е. прежде всего (хотя и не только) – мусульманская диаспора, которая априори является сообществом, имеющим взгляды, «несовместимые с британскими ценностями». К экстремистам теперь причисляются также лица, которые хоть и не осуществляют и не пропагандируют экстремизм, признаки которого изложены в пунктах 1 и 2, но имеют связь с лицами, демонстрирующими поведение, соответствующее пунктам 1 и 2, и *не критикуют их идеологию или действия*. Под это определение подпадают, например, родственники радикально настроенных мусульман, члены их кланов. Кроме того, отныне экстремистами считаются лица, оправдывающие насильственные действия против военнослужащих Соединенного Королевства. Этот пункт можно использовать в отношении людей, которые осуждают вооруженное вмешательство Великобритании в дела других государств. А ведь если Соединенное Королевство предпримет подобные действия в отношении стран, где большинство населения исповедует ислам, нетрудно предугадать отношение к этому многочисленной мусульманской диаспоры.

В целом, оценивая изменения, внесенные в определение экстремизма, можно отметить, что акцент, хотя и в завуалированной форме, делается на опасности, исходящей от мусульманского сообщества, которое в настоящее время рассматривается как наиболее актуальный источник радикализации в Великобритании. Именно страх перед радикализацией подталкивает британцев к использованию таких мер, как лишение гражданства. Журнал «New Statesman» на основе анализа данных Управления национальной статистики выявил, что в Англии и Уэльсе критериям для лишения гражданства, скорее всего, будут соответствовать двое из каждого из пяти представителей небелых этнических меньшинств (41%), но только один из двадцати представителей белых (5%) [Van der Merwe, 2021].

Стоит также добавить, что в документе, посвященном новому определению экстремизма, вполне очевиден примат идеологии. Идея о том, что несогласие или неуважение к британским ценно-

ствам неминуемо приводит к радикализации, легла в основу контртеррористической стратегии Соединенного Королевства.

«Именно в пропаганде основных британских ценностей как маркера отказа от экстремизма и терроризма и маркера принадлежности к британскому обществу проявляется колониальность власти. Власть может сделать свои ценности определяющим фактором преступного поведения в случае их неприятия и в то же время – определяющим критерием принадлежности к британскому обществу» [Mogboli, 2024, p. 941]. Британские ценности становятся главным параметром размежевания на «своих» и «чужих» («других»). В роли «другого» теперь выступает мусульманская диаспора, поскольку мировоззрение мусульман Соединенного Королевства очевидно находится за пределами «британской». Укрепление британской идентичности происходит за счет пропаганды британских ценностей, но одновременно происходит секьюритизация «других», – чужаков, якобы заведомо склонных к экстремизму. Таких образом, ценности и культура этих «других» отвергаются и компрометируются. Европейская культура и идентичность становятся маркером цивилизованности. А ведь отрицание неевропейских систем творчества, познания, образа жизни как раз и является одним из признаков колониализма, суть которого, разумеется, не только в контроле над территорией других народов. Интересно, что стратегии и практики колониализма, которые некогда использовала Великобритания в своих колониях, бумерангом вернулись на территорию бывшей метрополии и сейчас используются внутри страны. Британские власти рассматривали протестные манифестации с активным участием мусульман после событий 7 октября 2023 г. не как выступления в поддержку пострадавшего гражданского населения Палестины, а как насилие, порожденное религиозными убеждениями.

Палестино-израильский конфликт и реакция на него официального Лондона усилили напряжение в британском обществе до такой степени, что ситуация перешла в состояние кризиса. Этот кризис можно рассматривать с трех сторон: как выражение кризиса европейской идентичности, как свидетельство размывания фундаментальных идеологических основ Запада (демократии, либерализма, секуляризма и мультикультурализма) и как кризис идентичности членов мусульманских диаспор Европы [Hira, Nyokki, Salma, 2024]. В частности, кризис европейской идентичности проявляется в стремлении использовать христианскую веру как циви-

лизационную защиту от иммигрантов. Интересно, что в Соединенных Штатах в настоящее время получила распространение идеология христианского национализма, которая в значительной степени отражает ту же тенденцию [Новикова, 2024].

Прибытие новых волн беженцев и страх перед иммигрантами как представителями «других» привели к секьюритизации миграционной политики, в рамках которой проживание на территории Великобритании большого количества мигрантов теперь рассматривается как угроза европейским ценностям, в частности, гендерному равенству, толерантности, сексуальной свободе. В основе недоверчивого отношения к «другому» находится неизжитый расовый конфликт в Европе. Исследовательница из Лондонского университета королевы Марии Ханна Райт утверждает, что в британской антитеррористической стратегии сохраняется расово-колониальная иерархия [Wright, 2024, р. 950]. Свои выводы автор подтверждает всесторонним анализом расовой, гендерной и классовой организационной культуры, существующей ныне в британских государственных органах, в недрах которых разрабатывается политика в области национальной безопасности, в том числе – борьбы с терроризмом. В свое время в колониях, как и в метрополиях европейских стран, национальная безопасность трактовалась как защита государства с определенным расово-иерархическим социальным и политическим порядком. Средствами поддержания такого порядка были особые практики ведения войны, осуществления полицейских функций и организации пограничной службы. Теории и методы, которые сейчас составляют основу политики Великобритании по борьбе с экстремизмом и терроризмом «имеют давние корни: методы, некогда использовавшиеся при проведении операций по подавлению повстанческих движений против европейского колониального господства в основе своей имели аналогичное сочетание специального законодательства, наблюдения, военной и полицейской деятельности и превентивных мер, в том числе – пропаганды и переобучения с целью предотвращения радикализации и проведения дерадикализации» [ibid., р. 951–952]. Здесь можно добавить, что свой имперский опыт проведения противоповстанческих операций в колониях Великобритания применяла (хотя и безуспешно) во время борьбы с талибами на территории Афганистана в составе международной коалиции в 2001–2021 гг. [Новикова, 2022].

В целом современная контртеррористическая политика Великобритании является продолжением идей и практик, которые она когда-то использовала в своих колониях при осуществлении социального контроля со стороны метрополии. Можно с уверенностью утверждать, что идеи, заложенные в основу стратегии «Prevent» в ее нынешнем виде, включая продвижение и институционализацию британских ценностей в качестве «противоядия» от экстремизма и основные методы борьбы с ним, берут начало в британском колониальном прошлом.

Обострение палестино-израильского конфликта не могло не сказаться на внутренней социально-политической обстановке в Соединенном Королевстве. По Великобритании прокатилась волна протестных выступлений. Власти, обеспокоенные радикализацией мусульманской общины, ответили ужесточением миграционного законодательства. Обновленное определение экстремизма теперь позволяет причислить к экстремистам практически всех проживающих в Великобритании мусульман. В то же время стоит отметить, что у участников демонстраций в поддержку Палестины нет общей политической платформы. Протestуют не только мусульмане (большей частью молодые), но и другие граждане Великобритании. На фоне растущей бедности, нехватки доступного жилья, выявления все новых фактов структурного и институционального расизма поддержка политических радикальных действий все более возрастает. В ходе протестных акций британские мусульмане демонстрируют собственные политические и социальные ценности, которые действительно отличаются от «истинно британских» и, соответственно, согласно решению властей, причисляются к экстремистским. Индивидуальные мотивы участия в активизме разнообразны – от простого ощущения несправедливости до потребности определения цели в жизни, религиозной или гражданской идентичности. Однако процесс индивидуальной радикализации происходит не в вакууме, а под влиянием определенного общественного и политического контекста, в том числе международного, который способен как подпитывать, так и подавлять индивидуальную и групповую радикализацию.

Литература / References

Исламские радикальные движения на политической карте современного мира : дерадикализация исламистов : международный и российский опыт. Том V (2023) / РАН, ИАфр. – Москва. – 386 с. – URL: https://inafran.ru/sites/default/files/news_file/deradikalizacia-t5_2023.pdf (дата обращения: 18.08.2025) [Islamic radical movements on the political map of the modern world : deradicalization of Islamists : international and Russian experience. Vol. V [Islamskie radikal'nye dvizheniya na politicheskoi karte sovremennoego mira : deradikalizatsiya islamistov : mezhdunarodnyi i rossiiskii opyt. Tom V] (2023) / RAS, Institute for African studies. – Moscow. – 386 p. – URL: https://inafran.ru/sites/default/files/news_file/deradikalizacia-t5_2023.pdf (date of access: 18.08.2025). (In Russian).

Новикова О.Н. (2022). Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 213–233 [Novikova O.N. (2022). Britain's Fourth Afghan war [Chetvertaya afganskaya voina Velikobritanii] // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 4. – P. 213–233]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.04.09.

Новикова О.Н. (2024). Христианский национализм в США // Россия и современный мир / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 3. – С. 180–193 [Novikova O.N. (2024). Christian nationalism in the USA [Khristianskii natsionalizm v SShA] // Russia and the contemporary world / RAN, INION. – Moscow. – N 3. – P. 180–193]. (In Russian). DOI: 10.31249/rsm/2024.03.12.

План действий по предупреждению насилиственного экстремизма : доклад Генерального секретаря. (2015) / ООН. – Нью-Йорк. – 25.12. – 28 с. – (A/70/674). – URL: <https://docs.un.org/ru/A/70/674> (дата обращения: 18.08.2025) [Action plan to prevent violent extremism : report of the Secretary-General [Plan deistviy po preduprezhdeniyu nasil'stvennogo ekstremizma : doklad General'nogo sekretarya]. (2015) / UN. – New York. – 25.12. – 28 p. – (A/70/674). – URL: <https://docs.un.org/ru/A/70/674> (date of access: 18.08.2025)]. (In Russian).

Янченко Д.С. (2024). «От реки до моря Палестина будет свободной» : история лозунга и его политический аспект (по материалам зарубежных СМИ) // Ближний и постсоветский Восток / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 3. – С. 151–163 [Yanchenko D.S. (2024). «From the river to the sea Palestine will be free» : the history of the slogan and its political aspect (on the materials of foreign mass media) [«Ot reki do morya Palestina budet svobodnoi» : istoriya lozunga i ego politicheskii aspekt (po materialam zarubezhnykh SMI)] // Middle and Post-Soviet East / RAN, INION. – Moscow. – N 3. – P. 151–163]. (In Russian). DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.03.08.

Government strengthens approach to counter extremism. (2024) / HM Government. – London. – 14.03. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/government-strengthens-approach-to-counter-extremism> (date of access: 18.08.2025).

Heller M. (2025). «Nazi Jews» : antisemitic vandals target Jewish areas, businesses in London and Manchester // Jerusalem Post. – Jerusalem. – 20.05. – URL: <https://www.jpost.com/diaspora/antisemitism/article-854751> (date of access: 18.08.2025).

Hira A., Hyokki L., Salma U. (2024). The European Muslim crisis and the post-October 7 escalation // Religions. – Basel : MDPI. – Vol. 15, Issue 10. – URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/15/10/1185> (date of access: 18.08.2025).

Holden M. (2024). UK records record level of antisemitism in first half of year, charity says // Reuters. – London. – 08.08. – URL: <https://www.reuters.com/world/uk/uk-records-record-level-antisemitism-first-half-year-charity-says-2024-08-07> (date of access: 18.08.2025).

Mogboli Ch. (2024). The Trojan Horse Affair and the coloniality of «British values» // Critical studies on terrorism. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – Vol. 17, Issue 4. – P. 930–948. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/17539153.2024.2404745> (date of access: 18.08.2025).

New definition of extremism. (2024) / HM Government. – London. – 14.03. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/new-definition-of-extremism-2024/new-definition-of-extremism-2024> (date of access: 18.08.2025).

PM address on extremism. (2024) / HM Government. Prime Minister's Office. – London. – 01.03. – URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-address-on-extremism-1-march-2024> (date of access: 18.08.2025).

Prevent Strategy. (2011) / HM Government. – London. – 114 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97976/prevent-strategy-review.pdf (date of access: 18.08.2025).

Raja I. (2024). The British broadsheet press and the representation of «The Mosque» in the aftermath of post-7/7 Britain // Religions. – Basel : MDPI. – Vol. 15, Issue 10. – URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/15/10/1157> (date of access: 18.08.2025).

Reidy K.P. (2019). Benevolent radicalization : an antidote to terrorism // Perspectives on terrorism / Terrorism Research Initiative (TRI). – Vienna. – Vol. 13, Issue 4. – P. 1–13. – URL: <https://pt.icct.nl/sites/default/files/import/pdf/reidy.pdf> (date of access: 18.08.2025).

Ritzmann A. (2025). The role of antisemitism in the mobilization to violence by extremist and terrorist actors / Counter Extremism Project. – London. – 151 p. – URL: <https://www.counterextremism.com/sites/default/files/2025-04/CEP%20Transnational%20Antisemitism%20Study%202025.pdf> (date of access: 18.08.2025).

Schmid A.P. (2013). Radicalisation, de-radicalisation, counter-radicalisation : a conceptual discussion and literature review / International Centre for Counter-Terrorism (ICCT). – The Hague. – 105 p. – URL: https://icct.nl/sites/default/files/import/publication/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013_2.pdf (date of access: 18.08.2025).

Shuurman B., Carthy S.L. (2023). Understanding (non)involvement in terrorist violence : what sets extremists who use terrorist violence apart from those who do not? // Criminology and public policy. – Hoboken, NJ : Wiley. – Vol. 23, Issue 1. – P. 119–152. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1745-9133.12626> (date of access: 18.08.2025).

Sinmaz E. (2024). Why are people rioting across England and how many are involved? // The Gardian. – London. – 06.08. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/article/2024/aug/05/why-people-rioting-across-england-how-many-involved> (date of access: 18.08.2025).

Tackling extremism in the UK : report from the Prime Minister's task force on tackling radicalisation and extremism. (2013) / HM Government. – London. – 7 p. –

https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7c4ff6ed915d338141df89/ETF_FINAL.pdf
(date of access: 18.08.2025).

Van der Merwe B. (2021). Exclusive : British citizenship of six million people could be jeopardised by Home Office plans // New Statesman. – London. – 01.12. – URL: <https://www.newstatesman.com/politics/2021/12/exclusive-british-citizenship-of-six-million-people-could-be-jeopardised-by-home-office-plans> (date of access: 18.08.2025).

What is extremism? Advancing definition in political argumentation. (2023) / Hassan H., Farine L., Kinnish N., Mejna D., Tindale Ch. // Topoi. – Berlin : Springer. – Vol. 42, Issue 2. – P. 573–581.

Wright H. (2024). «Don't bring race into it» : white ignorance, UK counter-terrorism and the impact agenda // Critical studies on terrorism. – Abingdon-on-Thames : Routledge. – Vol. 17, Issue 4. – P. 949–972. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/17539153.2024.2340780> (date of access: 18.08.2025).

DOI: 10.31249/ape/2025.04.07

Novikova O.N.¹

Radicalization of the Muslim community in Great Britain in the context of the escalating Palestinian-Israeli conflict

Abstract. The article examines the impact of the escalation of the Palestinian-Israeli conflict on British society, namely the exacerbation of the «Muslim question» in the United Kingdom. A general description of the protests in the UK after October 7, 2023 is given, and the slogans of the protesters are demonstrated and analyzed. The phenomenon of behavioral radicalization of the Muslim diaspora, associated with its conviction in the excessive use of force by the state of Israel against Muslims, is considered. The author shows the gradual evolution of the British counter-terrorism strategy CONTEST – and especially its part, the Prevent program, aimed at countering extremism, – towards a tougher approach. The new definition of extremism introduced in 2024 is analysed, which, among other things, shows that, due to the radicalisation of a certain part of the British Muslim diaspora, the British authorities regard it as an actual source of danger. Moreover, according to the adopted official documents, virtually the entire Muslim community in Great Britain can now be considered extremist. The UK's counter-terrorism strategy is based on an ideological perspective: British values are the criterion of belonging to British society. The rejection of British values leads to radicalization, with the securitization of all those who do not share these

¹ Novikova Olga Nikolaevna – PhD in History, Head of the Department of Europe and America, INION RAN (inionnovikova@gmail.com). ORCID: 0000-0001-8612-5012.

values. The values and culture of the «other» are compromised: this is a manifestation of the historical and ongoing colonial approach of the British authorities. London's current policy towards the Muslim diaspora is a continuation of the ideas and practices that were once used in the country's colonies to exercise social control by the metropolis. The article raises the question of the possibility of transition from anti-Israeli demonstrations to terrorist acts. An unconventional view is presented that participation in non-violent extremist activism can be an antidote to participation in terrorist activities.

Keywords: Great Britain, Muslim diaspora, radicalization, extremism, Prevent program, Palestinian-Israeli conflict.

Статья поступила в редакцию (Received) 02.06.2025

Доработана после рецензирования (Revised) 16.06.2025

Принята к публикации (Accepted) 18.06.2025